

Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова*

Ключевые слова: русская эмиграция, русско-английские связи, Вторая мировая война, Бодлианская библиотека Оксфордского университета, А.М. Байков, С.А. Коновалов, Е.Д. Кускова, В.В. Набоков, Е.В. Саблин.

Имя русского ученого-эмигранта Сергея Александровича Коновалова (1899–1982), сына министра торговли и промышленности Временного правительства А.И. Коновалова (1875–1949), знакомо исследователям русской диаспоры в Великобритании. Будучи профессором Бирмингемского и Оксфордского университетов, он внес заметный вклад в британскую славистику¹, однако о его научной и общественной деятельности, окружении известно немного. Между тем в отделе специальных коллекций Бодлианской библиотеки Оксфордского университета хранится личный фонд ученого. Автору этой статьи в мае 2014 г. посчастливилось быть в числе первых исследователей, кому разрешили с ним ознакомиться.

Собрание документов (оно занимает два десятка картонных коробок) поступило в библиотеку в 1982 г. после смерти С.А. Коновалова, но до сих пор не разобрано и не систематизировано. Поэтому библиотека неохотно допускает к нему исследователей. Кратковременное пребывание в Оксфорде, неупорядоченность собрания и отсутствие научно-справочного аппарата не позволили нам изучить его всесторонне. В данной статье попытаемся представить содержание документов, следуя, главным образом, корреспондентскому признаку, и наметить пути дальнейшего изучения.

Большую часть фонда составляют письма в адрес С.А. Коновалова от британских общественных и культурных деятелей, русских эмигрантов, европейских ученых и др. (в ряде случаев сохранились отпуски писем самого Коновалова). Ему также присылали научные отчеты, листовки, фотографии. Практически все материалы написаны на русском и английском языках, но встречаются на французском, чешском, немецком; некоторые бумаги сильно помяты, изъедены ржавчиной от канцелярских скрепок.

Ряд документов (письма, отчеты, приглашения, рабочие записи и др.) уточняют уже известные страницы биографии С.А. Коновалова. До эмиграции он успел окончить Московский императорский лицей в память цесаревича Николая (Катковский лицей). После того как семья Коноваловых обосновалась в Париже, Сергея для получения дальнейшего образования отправили в Оксфорд. С Англией будет связана вся его последующая жизнь. В 1922 г. он окончил Эксетер-колледж с дипломом по экономике и политическим наукам. (Его однокашником был Г.П. Струве, сын видного общественно-политического деятеля – П.Б. Струве.) В 1927 г. Коновалов защитил диссертацию о кредитно-экономических преобразованиях в Чехословакии. В начале 1920-х гг. произошли и другие важные события в его жизни: 20 января 1922 г. в Париже он заключил брак с Е.И. Морозовой (1903–1974), дочерью знаменитого русского предпринимателя, мецената, коллекционера И.А. Морозова, 10 декабря 1922 г. в Бонне родился их сын Иван (1922–2002). Правда, в начале 1930-х гг. этот союз распался. Е.И. Морозова вместе с сыном проживала во Франции. В архиве имеются документы о бракоразводном процессе, начавшемся в 1936 г., длившемся больше года и окончательно оформленном весной–летом 1938 г. Об этом

свидетельствуют семь писем Коновалова к парижскому адвокату профессору И.А. Кистяковскому, который представлял интересы ученого². Во второй половине 1930-х гг. С.А. Коновалов познакомился в Польше с варшавской еврейкой Яниной Рыжовой. В фонде есть две ее фотографии, на одной из них надпись по-английски: «Для моего всегда хорошего и дорогого друга, Янина. Варшава. 17.I.1937»³. По неподтвержденным сведениям, официальный брак они заключают только в 1949 г. К сожалению, документы, отражающие личную, семейную жизнь С.А. Коновалова, крайне немногочисленны. Так, невозможно реконструировать его взаимоотношения с родителями, хотя косвенные данные говорят об очень тесных семейных контактах.

В 1929 г. С.А. Коновалова приняли в русский отдел Бирмингемского университета в качестве преподавателя русского языка и литературы; вскоре он начал параллельно вести занятия в Оксфордском университете и лондонской Школе славянских исследований. Документов об этом периоде также немного. В 1931 г. Сергей Александрович добился создания при университете Бирмингемского бюро исследований экономического положения России, обосновав одним из первых в британской академической среде необходимость научного подхода к социально-экономическим процессам в СССР. Возглавив Бюро, он наладил выпуск научных записок «Memorandum of Bureau of research on Russian economic conditions», предназначенных для информирования британцев о положении советской экономики.

С.А. Коновалов. Вторая половина 1930-х гг.

К работе в Бюро ученый привлек специалистов из эмигрантской среды. Уместно упомянуть о его связях с Прагой, которая в 1920–1930-х гг. благодаря «Русской акции» (программа помощи эмигрантам из России) правительства Чехословакии стала важнейшим интеллектуальным центром зарубежной России⁴. В Оксфордском архиве отложились многочисленные письма к Коновалову от Е.Д. Кусковой (1869–1958), крупной общественно-политической фигуры, жены экономиста С.Н. Прокоповича. Вероятно, ученый познакомился с ними через своего отца (Прокопович тоже являлся министром Временного правительства). После высылки за границу супруги создали Экономический кабинет, призванный собирать, систематизировать и анализировать материалы о социально-экономическом развитии Советской России. Сперва они находились в Берлине, с апреля 1924 г. переместились в Прагу, где Кабинет получил поддержку чехословацких властей. В 1928 г. началось издание «Бюллетеня Экономического кабинета», а уже в 1931 г. С.А. Коновалов наладил связи Бирмингемского бюро с пражским Кабинетом. Поскольку история взаимоотношений двух организаций совершенно не освещена в научной литературе о С.Н. Прокоповиче⁵, документы Оксфордского архива вносят новые бесценные сведения в историю научных коммуникаций русской диаспоры, позволяя понять механизмы трансфера идей и знаний.

Е.Д. Кускова писала С.А. Коновалову часто, иногда несколько раз в месяц. Скорее всего, ее послания сохранились не в полном объеме, о чем свидетельствуют большие хронологические пробелы. Ведь с учетом интенсивности их совместной работы и общения нельзя допустить, что в некоторые годы обмена письмами не было вообще. Судя по тону переписки, Екатерина Дмитриевна относилась к С.А. Коновалову с уважением и даже почтением, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, делилась с ним мыслями не только о работе. Ее письма служили для ученого «окном» в мир «русской Праги». От нее он узнавал все важнейшие события, будь то приезды П.Н. Милюкова, с газетой которого «Последние новости» Кускова тесно сотрудничала, и А.Ф. Керенского; смерть и похороны Е.К. Брешко-Брешковской; тяжелая болезнь

С.Н. Прокоповича. Подробное описание повседневной жизни русской диаспоры в Праге поражает ощущением безысходности. Так, 24 октября 1933 г. Кускова сообщила Коновалову о самоубийстве профессора В.В. Водовозова, бросившегося под поезд, а 16 ноября – о добровольном уходе из жизни его жены, принявшей смертельную дозу веронала⁶.

Я.Рыкова. 1937 г.

Корреспонденция 1930-х гг. отчетливо показывает, с какой тревогой следили русские эмигранты за нараставшим в Европе кризисом, как пугала их перспектива новой мировой войны. В ноябре 1933 г. Кускова рассказала Коновалову о том, что в пражских газетах помещена информация о магазинах, в которых горожанам следует купить противогазы, и поделилась новостью о повсеместном создании подземных убежищ⁷. (Напомним, что 12 ноября 1933 г. состоялись парламентские выборы в Германии, и нацисты получили все места в рейхстаге.) По письмам Е.Д. Кусковой видно, что она внимательно следила за миссией наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинова в Вашингтоне в ноябре 1933 г., которая привела к установлению дипотношений между СССР и США, надеялась на создание системы коллективной безопасности. Она полагала, что имелся реальный шанс снизить напряженность в мире, и цитировала президента Чехословакии Э.Бенеша: «Если в эти два года основные линии международной политики не укрепятся окончательно... начнется страшный хаос – вроде

заката Европы»⁸. Вместе с тем ее пугали чреватое осложнением жизни эмигрантов сближение Чехословакии с СССР и просоветский настрой отдельных местных интеллектуалов. В письме от 28 ноября 1933 г. Кускова так описывала выступление литературоведа И.Горака: «Недавно виднейший здесь знаток русской литературы проф. Ногбк выступал с П.Н. Милюковым на прекрасном вечере памяти Тургенева. Но вот присуждена премия И.А. Бунину. Он ставит особую лекцию под заглавием “Иван Алексеевич Бунин”. Казалось бы, на именинах бить по лицу нельзя. Но профессор говорит, что премия присуждена неправильно. Что Бунин малоизвестен, что он – очеркист, бытописатель, больших полотен не создал, что он не имеет широких общественных идеалов. И резюме: эта премия принадлежит Максиму Горькому»⁹. Вскоре опасения Е.Д. Кусковой в значительной мере подтвердятся. Чехословацкие власти будут вынуждены дистанцироваться от эмиграции, опасаясь критики советской стороны¹⁰.

В архивных документах имеется немало других ярких свидетельств предвоенного настроения эмигрантов, например три письма 1938 г. С.А. Коновалову от И.Н. Ефремова (1866–1945), бывшего депутата Государственной думы и министра Временного правительства, давнего друга его отца. Так, в ноябре 1938 г. тот делился опасениями по поводу грядущей войны и неспособности международных организаций предотвратить ее. Опытный политик считал своей задачей разбудить общественное мнение в Европе, поэтому просил С.А. Коновалова посодействовать ему в установлении контактов с английскими общественными организациями и в выступлении с докладом на сессии Британской ассоциации по развитию науки¹¹.

Тем же беспокойством, а порой и отчаянием пронизаны письма Е.Д. Кусковой из Праги накануне Второй мировой войны. Об одном из таких посланий С.А. Коновалову сообщил 28 ноября 1938 г. его давний друг Г.П. Струве, которому в ответ на вопрос о возможном переселении Екатерина Дмитриевна написала: «На переезд у нас нет: 1) денег, 2) виз, 3) указания страны – куда, куда, куда?! Согласны, что при таких условиях... положение весьма затруднительное. Хотели прокатиться во Францию, но эта легкомысленная дама еще неизвестно куда кувыркнется.

Еще хорошо – в объятия Даладье. А если к Торезу? Это – раз. А затем там будет трудно найти заработок. Правда, еще труднее его будет при теперешних условиях найти здесь»¹². Дальнейшее развитие событий заставило С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кускову любыми путями выбираться из Праги. В январе 1939 г. они начали оформлять документы на выезд, однако 15 марта Гитлер объявил о создании протектората Богемии и Моравии. Кускова и ее муж остались без виз, о чем 19 апреля она сообщила С.А. Коновалову. В конце октября Екатерина Дмитриевна напишет уже из Женевы, куда им удалось выехать ценой больших усилий, будет подробно излагать научные планы, рассказывать о работе С.Н. Прокоповича по заказу Корпорации Карнеги над книгой о советской экономике и анонсировать новые выпуски «Бюллетеня...», теперь уже на английском языке¹³.

Письма Е.Д. Кусковой демонстрируют обеспокоенность советско-германским сближением, заключением Пакта Молотова – Риббентропа и, как следует из письма от 15 декабря 1939 г., разделом сфер влияния в Европе: «О событиях Вы все знаете. Скоро положительно будет стыдно русское имя. Большевики перещеголяли своего союзника Гитлера. Тому все же в случае длительной войны могли наносить вред, и немалый, и Чехословакия, и Польша. Но чем могла угрожать маленькая, такая прекрасная Финляндия, этого не поймет никогда и никто. Куда, на кого еще бросятся эти два разбойника? Время до того ужасное, что минутами не хочется жить»¹⁴. Пока не удалось обнаружить документы, которые раскрыли бы восприятие самим С.А. Коноваловым трагических перипетий европейской жизни конца 1930-х гг. Но даже по контексту сохранившихся в его архиве материалов ясно, что надвигавшаяся война его волновала. Предчувствие скорой мировой катастрофы заставляло С.А. Коновалова активнее помогать своим коллегам из континентальной Европы.

Показательно в этом плане его отношение к А.М. Байкову (1899–1963), занимавшемуся исследованиями экономики СССР. Он уроженец Харьковской губернии, обучался в 1917 г. на химическом отделении Киевского политехнического института, через год перевелся в Ново-Александровский сельскохозяйственный институт, в 1920–1921 гг. сражался в рядах Добровольческой армии, эмигрировал, окончил в 1926 г. с дипломом первой степени Русский юридический факультет в Праге, стал сотрудником Экономического кабинета. В Оксфордском архиве хранится несколько десятков писем Байкова 1930-х – начала 1940-х гг. В одном из них, к сожалению, недатированном, он информировал Коновалова о малом отклике на бирмингемские издания в Чехословакии из-за недостаточного знания местными интеллектуальными кругами английского языка и замечал, что «чехи в этом отношении очень большие провинциалы и им часто кажется “странным” и “подозрительным” то, что для других европейцев является простым и естественным»¹⁵. В 1938–1939 гг. Коновалов настойчиво пытался помочь Байкову через британское Общество по поддержке науки и образования в трудоустройстве в Бирмингеме и выхлопотал ему грант¹⁶. В апреле 1939 г. А.М. Байков ступил на английскую землю, но семью его вывезти не удалось, и она всю войну оставалась в Праге¹⁷. С.А. Коновалов еще не раз будет обращаться в различные общественные организации и исследовательские центры, чтобы помочь Байкову¹⁸. В письме из знаменитого «Chatham House» – королевского научного института в области международных отношений от 8 декабря 1939 г. Коновалову ответили, что страна остро нуждается в специалистах со знанием русского языка, но немецких беженцев (к таким относился и Байков) привлекать не хотели¹⁹. Получалось, что работа С.А. Коновалова, его коллег и собственно Бирмингемского бюро становилась все актуальнее, а найти для нее финансирование из-за начавшейся войны оказывалось все труднее. В итоге в 1940 г. Бюро закрывается. В том же году Байков попытается, но безуспешно, получить при помощи Толстовского фонда работу в США²⁰. Впрочем, его послевоенная научная карьера сложится вполне удачно²¹.

Не меньшего внимания заслуживают попытки С.А. Коновалова перевезти в Англию знаменитого писателя В.В. Набокова (1899–1977). К сожалению, документов о времени и обстоятельствах их знакомства в архиве С.А. Коновалова нет. Однако там сохранилось несколько писем писателя 1939 г., содержание которых свидетельствует, что их общение началось гораздо раньше. Возможно, связующим звеном между ними был Г.П. Струве. Живший в Германии В.В. Набоков еще с середины 1930-х гг. мучительно искал место работы. Его литературные заработки

едва могли обеспечить жену и маленького ребенка, к тому же приход к власти нацистов создавал реальную угрозу для его семьи. В мае 1936 г. Коновалов обратился к профессору Гарвардского университета (США) М.М. Карповичу с просьбой подыскать Набокову место преподавателя русской литературы²². Найти работу за океаном не удавалось. В.В. Набоков переехал в Париж, но попыток выехать из континентальной Европы не прекращал. И тут в судьбе писателя возник С.А. Коновалов, который в начале 1939 г. стал ходатайствовать о его назначении преподавателем русской литературы в Оксфорде. Судя по письмам, все действия предпринимались в глубокой тайне. В свое время академик Г.М. Бонгард-Левин обнаружил в США письмо В.В. Набокова к М.И. Ростовцеву от 23 февраля 1939 г., в котором тот просил знаменитого историка подготовить для него «testimonial» (поручительство). Сообщив, что еще не знает, в каком именно университете будут за него хлопотать, он просил составить рекомендацию в самой общей, пригодной для любого университета форме. М.И. Ростовцев незамедлительно откликнулся и дал лестную рекомендацию²³. Из писем Набокова к Коновалову понимаешь, что писатель имел в виду Оксфорд. Коновалов советовал Набокову обратиться за рекомендациями к видным представителям эмигрантской литературы. Тот 16 февраля 1939 г. сообщил, что получить благоприятный отзыв от И.А. Бунина для него не составит труда, но от Д.С. Мережковского вряд ли («говорят, кстати, что он меня терпеть не может»)²⁴. В.В. Набоков договорился встретиться с С.А. Коноваловым в апреле 1939 г. во время своей поездки в Лондон. Состоялось ли это свидание, сказать трудно. В Оксфорд В.В. Набоков так и не попал, но причины неудачи нам неизвестны. В конце мая 1940 г. он, получив американские визы, вместе с семьей отплыл из Франции в США. Его попытка занять преподавательскую должность в Англии с прямым участием С.А. Коновалова заслуживает дальнейшего изучения.

В документах фонда не раз возникает имя Е.В. Саблина (1875–1949), царского дипломата и поверенного в делах российского посольства в Лондоне в 1917–1921 гг. Основанный им там «Русский дом» стал важным эмигрантским центром. Его посещали М.А. Алданов, И.А. Бунин, Ф.И. Шаляпин. В 1939 г. о нем упоминал в своих письмах к С.А. Коновалову В.В. Набоков: «Я собираюсь приехать на несколько дней в Лондон в конце марта, буду читать у Саблиных»²⁵. С тревогой наблюдая за ростом нацизма в Европе, Е.В. Саблин увидел в СССР силу, способную противостоять Германии. Такая позиция отнюдь не означала его политического примирения с большевиками. На первый план вышли патриотические ценности, которые, по мнению самого Е.В. Саблина, не зависели от характера режима на Родине²⁶. Материалы архива С.А. Коновалова показывают, что Е.В. Саблин в годы войны много выступал, «даже в собраниях рабочих с коммунистами», надеясь на эволюцию советского строя, осознавая, что не все соотечественники его одобряют (об этом дипломат написал С.А. Коновалову 1 мая 1942 г.)²⁷. Письма Саблина к Коновалову четко очерчивают его взгляды на международные отношения и будущее послевоенное мироустройство²⁸, и их позиции во многом были близки. В 1945 г. С.А. Коновалов выпустил книгу по истории русско-польских отношений²⁹, вызвавшую негативную реакцию со стороны польских ученых, которые обвинили автора в солидарности с советской пропагандой³⁰.

Документы фонда проливают свет и на британскую жизнь самого С.А. Коновалова, что крайне важно, поскольку о русских эмигрантах в Великобритании известно куда меньше, чем во Франции, Германии или Чехословакии. В 1930-х гг. С.А. Коновалов живо интересовался общественной и культурной жизнью русской диаспоры и в Англии, и за ее пределами. Поэтому нельзя согласиться с мнением отдельных исследователей, будто ученый не поддерживал связей с соотечественниками в Лондоне³¹. Сохранившиеся письма показывают обратное. Так, «московский англичанин» А.Пикерсгилл в феврале 1938 г. рассказывал С.А. Коновалову, которого занимала эмигрантская театральная жизнь в британской столице, о постановке «Линии Брунгильды» М.А. Алданова драматическим кружком при Обществе северян. Весной 1939 г. Коновалов был в числе организаторов празднования 80-летнего юбилея П.Н. Милюкова в Англии (в Париже юбилейный комитет возглавлял А.И. Коновалов)³². Кроме того, в Лондоне жил его друг Г.П. Струве, там же он встречался со своими давними знакомыми В.В. Вейдле и П.П. Муратовым³³ во время их приездов³⁴. К слову, именно С.А. Коновалов организовал лекцию П.П. Муратова о русской культуре в Оксфордском университете осенью 1934 г.³⁵ В сохранившейся корреспонденции С.А.

Коновалова имеется немало ярких свидетельств о повседневной жизни Великобритании во время войны, в том числе немецких бомбардировках³⁶. С началом войны С.А. Конавалов много месяцев не имел сведений о жившем в Париже отце. Лишь 8 мая 1941 г. Г.П. Струве сообщил ему, что А.И. Конавалов списывался с П.Б. Струве о попытке перебраться в США³⁷. (Позже отец ученого сумел выбраться из Парижа и через Лиссабон выехать в США.)

Известно, что в годы войны С.А. Конавалов многократно встречался с просоветскими британскими деятелями и представителями СССР. Обратим внимание на сохранившиеся в архиве ученого материалы конференции «Британия и Россия в новом мировом порядке» (10–11 апреля 1942 г., Лондон), созванной британской пацифистской организацией «Национальный совет мира». Очевидно, что именно Совет пригласил Конавалова выступить с докладом. Об этом свидетельствуют два письма к профессору (19 февраля и 25 марта 1942 г.) секретаря организации Дж. Бэйли³⁸. В архиве С.А. Конавалова имеется предназначенный для участников конференции вопросник на английском языке с пометкой «Не для публикации», отражающий интерес британской общественности к СССР в силу его закрытости от внешнего мира. На конференции предполагали создать четыре секции (по две в день), на которых обсудить роль религии в двухсторонних отношениях, статус церкви в годы войны, культурные аспекты англо-советского сотрудничества, включая перспективы взаимодействия в области науки и образования. На секции «Англо-советское сотрудничество: экономические факторы» планировали рассмотреть важнейшие характеристики советской экономической системы, спрогнозировать послевоенную экономическую модель в СССР и др.³⁹ Программа конференции свидетельствует, что ее организаторы надеялись на изменения в советской системе, которые откроют дорогу для более тесного, взаимовыгодного сотрудничества. К сожалению, текст доклада С.А. Конавалова, с которым он выступал в первый день конференции на секции о культурном взаимодействии, обнаружить не удалось.

Большинство участников конференции принадлежало к пацифистским, христианско-демократическим, социалистическим кругам. К примеру, настоятель Кентерберийского собора – главного англиканского храма отец Х.Джонсон был убежденным марксистом. Он приветствовал Октябрьскую революцию 1917 г., одобрял политику большевиков и неоднократно посещал СССР. За свои взгляды он заслужил прозвище «Красный настоятель Кентербери». В годы войны Х.Джонсон активно поддерживал СССР, выступал за скорейшее открытие Второго фронта и собирал пожертвования. Такая деятельность не осталась незамеченной Москвой, и в 1945 г. Х.Джонсон был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1950 г. удостоен международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»⁴⁰. Другой участник конференции – лектор Кембриджского университета, видный экономист М.Добб, тоже марксист, активнейший деятель компартии Великобритании, по некоторым сведениям, агент Коминтерна. Именно он привел в компартию знаменитого разведчика Кима Филби⁴¹. Среди докладчиков и профессор политических наук Лондонского университета Г.Ласки, в то время один из самых влиятельных политиков-марксистов в Англии и сторонников плановой экономики⁴². Не менее примечательна фигура лондонского корреспондента агентства ТАСС Э.Ротштейна, сына русского революционера и политэмигранта Ф.А. Ротштейна, дружившего с В.И. Лениным. Он был активным членом компартии Великобритании и автором многочисленных популярных книг об СССР, с 1921 г. корреспондентом РОСТА (позднее – ТАСС) в Лондоне, переводил работы русских марксистов на английский язык, после войны публиковался в СССР. Вращение в таких кругах могло скомпрометировать С.А. Конавалова, но он, в отличие от некоторых эмигрантов, не сторонился просоветских кругов, не пытался дистанцироваться от них. Очевидно, что просоветская позиция, занятая С.А. Конаваловым во время войны, отразилась и на его дальнейшей карьере.

Весной 1945 г. в Оксфордском университете была создана русская кафедра, во главе которой поставили С.А. Конавалова. Правда, его назначение обрадовало не всех. Так, оно вызвало недоумение знаменитого философа и историка И.Берлина, лоббировавшего кандидатуру выдающегося филолога Р.О. Якобсона⁴³. Новый руководитель кафедры с энтузиазмом взялся за дело, желая в первую очередь поднять на должный уровень учебный процесс. Сохранился

черновик его письма к знаменитому французскому слависту П.Паскалю от 4 ноября 1945 г., в котором профессор делился планами по изданию хрестоматий по русской литературе⁴⁴. С.А. Коновалов был окрылен успехом в США начатой им серии «Blackwell's Russian Texts», а также перспективами серии «Oxford Russian Readers»⁴⁵, и ему, вероятно, хотелось повторить его в континентальной Европе. Издание исторических и литературных источников виделось ему неотъемлемой частью качественного преподавания русского языка, литературы и истории в западных университетах. При этом он понимал, что для ее решения в самой Англии кадров пока недостаточно, отсюда и его желание сотрудничать с П.Паскалем.

Но еще большее значение он придавал развитию контактов с советскими научными кругами. В фонде С.А. Коновалова имеются черновики его писем к выдающемуся советскому языковеду С.Г. Бархударову, занимавшему пост ученого секретаря Отделения литературы и языка АН СССР. Документы не датированы, но по содержанию относятся к весне–лету 1945 г. В них предлагался план сотрудничества, который включал обмен литературой, подготовку совместных научных изданий, организацию лекций советских ученых в Англии, установление связей с другими подразделениями университета, чтение лекций для студентов, изучающих русский язык, подготовку учебников и хрестоматий⁴⁶. Узнать, что ответил английскому профессору советский ученый, пока не удалось. Начавшаяся в 1946 г. «холодная война» похоронила эти планы. К ним С.А. Коновалов вернется только с приходом в СССР «оттепели».

Другой его важной задачей стало привлечение к преподаванию крупных ученых. В 1939 г. еще в Бирмингеме С.А. Коновалов пытался пригласить с циклом лекций выдающегося французского слависта А.Мазона, но помешала война⁴⁷. Однако уже в 1946 г. он позвал в Англию и А.Мазона, и П.Паскаля, причем не только к себе в университет, но также в Лондон и Кембридж⁴⁸. Щедрое финансирование британским правительством славянских исследований во второй половине 1940-х гг. позволило С.А. Коновалову расширить штат своих сотрудников⁴⁹. С 1948 г. по его приглашению в Оксфорде читал лекции профессор Брюссельского свободного университета знаменитый специалист по славянскому языкознанию Б.Г. Унбегаун. В 1949 г. С.А. Коновалов перетянул из Кембриджа молодого историка Д.Д. Оболенского, ставшего затем одним из ведущих византинистов в мире. Не менее интересна попытка пригласить в Оксфорд жившего в Риме русского поэта Вяч. Иванова. С.А. Коновалов вступил с ним переписку в декабре 1945 г. и продолжал ее вплоть до смерти своего корреспондента в 1959 г.⁵⁰ В истории их взаимоотношений несомненный интерес представляет один важный эпизод. В августе 1946 г., находясь на отдыхе в Биаррице, С.А. Коновалов изложил в письме к Вяч. Иванову идею «почествовать» его в Оксфорде, т.е. присвоить степень почетного доктора (Honoris Causa)⁵¹. (Заметим, что подобная практика существовала с 1879 г., и это звание из русских носили П.Г. Виноградов, А.К. Глазунов, М.И. Ростовцев, И.С. Тургенев.) В случае с Вяч. Ивановым довести дело до конца помешала смерть поэта. Но профессор С.А. Коновалов своей задумки не оставил. Он вернулся к ней в середине 1950-х гг., когда начал ходатайствовать о присвоении званий видным советским интеллектуальным деятелям. Первым из них в 1955 г. его получил знаменитый медиевист Е.А. Косминский. В 1958 г. был отмечен композитор Д.Д. Шостакович, в 1960 г. – Нобелевский лауреат Н.Н. Семенов, в 1962 г. – писатель К.И. Чуковский, в 1963 г. – литературовед М.А. Алексеев, в 1965 г. – поэтесса А.А. Ахматова, в 1966 г. – литературовед В.М. Жирмунский, в 1967 г. – Д.С. Лихачев. Документы подтверждают, что инициатива обсуждения кандидатур К.И. Чуковского и А.А. Ахматовой на совете Оксфордского университета принадлежала именно С.А. Коновалову, а не И.Берлину⁵². Причем благосклонность к поездкам К.И. Чуковского и А.А. Ахматовой в Оксфорд была во много результатом «наведения» С.А. Коноваловым мостов, его встреч с официальными советскими деятелями, например с ректором Литературного института им. А.М. Горького А.А. Сурковым⁵³. И здесь следует сказать о его поездках в СССР, к сожалению, мало освещенных документами архива.

С.А. Коновалов впервые посетил СССР в начале сентября 1958 г. в связи с участием в IV Международном съезде славистов. Профессор отвечал за подготовку британской делегации и выступил от ее имени на открытии заседаний 1 сентября⁵⁴. Он пытался извлечь из поездки

С.А. Коновалов. Конец 1960-х гг.

максимальную пользу и для своей кафедры, и для развития англо-советских связей. Коновалов действительно «наводил мосты» с представителями советской науки и культуры, чиновниками разного уровня, в частности с ректором МГУ И.Г. Петровским. И это дало результаты. В начале 1960-х гг. было подписано англо-советское соглашение о культурном взаимодействии, о чем С.А. Коновалов мечтал еще в годы войны. В архиве ученого имеются документы, отражающие воплощение в жизнь идеи сотрудничества. В августе 1963 г. университетская канцелярия уведомила С.А. Коновалова, что английской стороне предложено представить кандидатуры для прохождения 3-месячной стажировки в СССР в июле–сентябре 1964 г. предположительно в Ленинграде. Оксфордский университет решил послать туда молодых славистов. Канцелярия также сообщала, что и С.А. Коновалов может поехать по программе обмена. Он был польщен таким вниманием и, не раздумывая, согласился⁵⁵, но очень хотел отправить в СССР своего ученика Дж. Симмонса. Оба ученых вскоре посетили СССР.

Особо доверительные и близкие отношения будут связывать оксфордского профессора с К.И.

Чуковским. С.А. Коновалов ценил и уважал его не только как талантливого критика и литературоведа, самобытного детского писателя, но и как человека, душой и сердцем чувствующего Англию. Он воплощал для него идею сотрудничества представителей русской и английской культур. Поэтому для профессора казалось столь важным привезти писателя в Оксфорд, где тот не был много лет, организовать его выступление в университете и показать страну. В своем дневнике по приезду в Оксфорд 21 мая 1962 г. К.И. Чуковский записал: «Встретил нас С.А. Коновалов без шапки – бесконечно милый»⁵⁶. Профессор и его жена оказали писателю необычайно теплый прием. В июне 1965 г. С.А. Коновалов во время своей второй поездки в СССР посетит дом писателя в Переделкине. Дневник К.И. Чуковского сохранит описание и этой встречи. С.А. Коновалов будет рассказывать ему о приезде в Оксфорд А.А. Ахматовой и привезет ее интервью в «Таймс»⁵⁷.

В коноваловском архиве сохранилось письмо переводчицы М.Н. Чуковской, невестки писателя, которая сопровождала его во время оксфордского турне. Оно написано в годовщину смерти К.И. Чуковского (датировано нами по содержанию и почтовому штемпелю на конверте – 4 октября 1970 г.). Автор благодарила С.А. Коновалова за необычайное внимание к писателю и светлую память о нем, описывала последние дни жизни К.И. Чуковского⁵⁸.

Еще одной заслугой С.А. Коновалова стало создание им в 1950 г. славистического ежегодника «Oxford Slavonic Papers», главным редактором которого он оставался до 1967 г. Профессор приглашал к сотрудничеству в качестве авторов давно знакомых ему эмигрантов В.В. Вейдле, Г.В. Вернадского, Д.Д. Оболенского, Б.Г. Унбегауна, Р.О. Якобсона, своих молодых учеников, в частности Д.Симмонса, именитых иностранных коллег – М.Боура, П.Паскаля, а также советских ученых – П.Н. Беркова, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева и др. Сам С.А. Коновалов регулярно печатался на страницах этого издания. В основном его работы были посвящены русско-английским отношениям в XVII в., например, русским посольствам, направленным в Британию, или письмам царя Михаила Федоровича к королю Карлу I.

С.А. Коновалов не был крупным ученым. Его творческое наследие невелико, и сам он свой

вклад в науку оценивал скромно⁵⁹. Но, вне всякого сомнения, он был хорошим администратором и организатором, умел видеть талантливых людей вокруг себя и оказывать им необходимую поддержку. И все же нельзя не признать, что некоторые коллеги С.А. Коновалова недолюбливали. Тут, видимо, сказывались как его некоторые личные качества, так и политические, порой явно просоветские, взгляды. Даже благодарные ученики признавали, что профессор был тяжеловат на подъем и в нем порой проскальзывало что-то обломовское⁶⁰. Профессор Р.Смит в письме к советскому историку В.Т. Пашуто назвал С.А. Коновалова одним из самых ленивых людей в мире⁶¹. У многих складывалось впечатление, что он работал активно, но в одиночку⁶². Такой взгляд, наверное, сформировался в силу некоторой отчужденности С.А. Коновалова от внешней среды. В Оксфорде он жил скромно и тихо, всегда уезжал на лето путешествовать. Однажды один из бывших студентов увидел своего учителя среди пляшущих цыган в ночном клубе в Румынии, напминавшем дореволюционный московский «Яр». Профессор, по его воспоминаниям, чувствовал себя как дома и был необычайно доволен. «Купеческий загул» шокировал англичанина, который не ожидал такой двойственности⁶³. Думаю, эту противоречивость характера верно объяснила одна из первых учениц С.А. Коновалова Е.Г. Кандыба-Фокс克罗фт. Она отметила, что в Англии ему приходилось приспосабливаться «к условным взглядам среды» и он «боязливо избегал нарушителей не писанных, но общепринятых правил»⁶⁴. Ему приходилось быть чопорным британским профессором, но в душе он всегда оставался русским барином. В письме к С.Г. Бархударову С.А. Коновалов признавался, что считает себя «русским, не перешедшим в английское подданство, которому в 1918 г. было дано советским правительством разрешение отправиться за границу для получения высшего образования»⁶⁵. Он подчеркивал, что лишь в силу обстоятельств лишился возможности вернуться на Родину, но при ином раскладе никогда не покинул бы ее на 10 или 20 лет.

В 1967 г. профессор ушел на пенсию, наукой почти не занимался, много путешествовал. Рискнем предположить, что личная скромность С.А. Коновалова, его неудовлетворенность собой и своей работой вместе с «барством» и даже некоторой «обломовщиной» породили у него равнодушное отношение к своему архиву. Это чувствуешь, когда работаешь с его бумагами, лишенными всякого намека на систематизацию. С.А. Коновалов скончался 12 февраля 1982 г. в Оксфорде⁶⁶, похоронен на Волверкотском кладбище (там же в 1991 г. упокоилась и Янина Рыжова).

Безусловно, жизнь и научное творчество С.А. Коновалова достойны специального исследования. Пока же с уверенностью можно сказать, что архив ученого таит немало бесценных материалов о его жизни, истории русской послереволюционной эмиграции, русско-английских и советско-английских связях. Даже беглое изучение фонда дает все основания ожидать немало интересных и даже уникальных находок. К сожалению, в минувшем году Британский совет отклонил предложение автора этой статьи провести систематизацию и научное описание архива С.А. Коновалова. Однако мы надеемся на то, что данная статья послужит неким стимулом обратить взор английских коллег на уникальное архивное собрание и уделить ему должное внимание.

¹ См., напр.: *Петров Е.В.* Роль русских историков-эмигрантов в становлении «россиеведческой традиции» в Великобритании // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002. С. 263; *Кизилов М.* Русские в Оксфорде: краткий обзор истории // Русское присутствие в Британии. М., 2009. С. 111.

² University of Oxford, Bodleian Library, Department of Special Collections. Coll. S.Konovalev. Box A 10.

³ Ibid. Box A 11.

⁴ См.: *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 37–124.

⁵ Ручкин А.Б. Российское Зарубежье 1920-х годов: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере Экономического кабинета С.Н. Прокоповича. М., 1999. С. 80–81; Бачурина О.Н. Экономическое наследие С.Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции. СПб., 2005. С. 41.

⁶ University of Oxford... Box A 17.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ковалев М.В. Указ. соч. С. 123–124.

¹¹ University of Oxford... Box A 16.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. Box A 3.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. Box A 5.

¹⁶ Андреева Е.Н. Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 81–82.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ University of Oxford... Box A 3.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ульяновкина Т.И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 56, 68.

²¹ См.: Некрасов А.А. Становление и этапы развития западной советологии. Ярославль, 2000. С. 57–58.

²² Бонгард-Левин Г.М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 149–150.

²³ Там же. С. 151, 156.

²⁴ University of Oxford... Box A 16.

²⁵ Ibid.

²⁶ См.: Казнина О.А. Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // Россия в США: Сб. ст. М., 2001. С. 161–185.

²⁷ University of Oxford... Box A 6.

²⁸ В Оксфорде пока удалось обнаружить только два письма Е.В. Саблина: от 1 мая 1942 г. и 31 января 1944 г. Ответные письма С.А. Коновалова хранятся в Русском архиве Университета Лидса (Leeds Russian Archive. Coll. Sablin Family. LRA/MS 1285).

²⁹ Russo-Polish relations: an historical survey / Ed. by S.Kononov. Princeton; N.J., 1945.

³⁰ См.: Halecki O. Russo-Polish relations by S.Kononov // Annals of the American Academy of Political and Social

Science. 1945. Vol. 242. P. 178; *Lednicki W.* Russo-Polish relations: an historical survey by S.Kononov // *American Slavic and East European Review*. 1945. Vol. 4. № 3/4. P. 207–210.

³¹ См.: *Шестаков В.П.* Русские в британских университетах: опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб., 2009. С. 253.

³² University of Oxford... Box A 16.

³³ О нем см.: *Сундиева А.А.* П.П. Муратов – один из авторов «общемузейного плана» послереволюционной России по документам Государственного исторического музея // *Отечественные архивы*. 2007. № 5. С. 38–45.

³⁴ Тональность писем В.В. Вейдле и П.П. Муратова к С.А. Коновалову дает основание говорить об их дружеских и доверительных отношениях. Осознавая административный талант своего бирмингемского товарища, они нередко с ним советовались. В июне 1934 г. Вейдле интересовался возможностью издания в Англии книги о русской иконе (University of Oxford... Box A 1). В письме от 6 декабря 1937 г. Муратов рассказывал о летней поездке в Югославию и знакомстве там с профессором Карлова университета, видным историком искусства Н.Л. Окуновым и идее совместно написать и издать в Англии историко-художественный путеводитель по Югославии. Поскольку подобной книги на английском языке не существовало, то Муратов спрашивал Коновалова о возможности ее подготовки для какого-либо солидного издательства, например для «Oxford University Press» (Ibid. Box A 16).

³⁵ *Муратов П.П.* Английские дни // *Возрождение*. 1933. № 3119. 16 дек.

³⁶ University of Oxford... Box A 14.

³⁷ Ibid. Box A 1.

³⁸ Ibid. Box A 8.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ *Butler J.R.* The Red Dean of Canterbury: the public and private faces of Hewlett Johnson. London, 2011.

⁴¹ *Knightley P.* Philby: The Life and Views of the KGB Masterspy. London, 1988. P. 30–31, 36–37, 45.

⁴² *Jones B.* The Russia complex: the British Labour Party and the Soviet Union. Manchester, 1977; *Newman M.* Harold Laski: a political biography. Basingstoke, 1993.

⁴³ *Berlin I.* Letters. 1928–1946 / Ed. by H. Hardy. Cambridge, 2004. P. 564–565.

⁴⁴ Во Франции в архивном фонде П.Паскаля сохранился оригинал этого письма, правда, датированный 6 ноября 1945 г. Письмо более обширно по объему, нежели оксфордский черновик, но поднимает те же вопросы (La bibliothique de documentation internationale contemporaine (BDIC). Fonds Pierre Pascal. F delta rйs 883 (3) (10)).

⁴⁵ О серии оксфордских публикаций, инициированных С.А. Коноваловым, см.: *Грищенко Н.А.* Русский язык в Великобритании. XIX – 1-я пол. XX в.: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2014. С. 164.

⁴⁶ University of Oxford... Box A 14.

⁴⁷ BDIC. Fonds Pierre Pascal. F delta rйs 883 (3) (10).

⁴⁸ В фонде П.Паскаля сохранилось девять писем, освещающих обстоятельства приглашения французских ученых в Англию: BDIC. Fonds Pierre Pascal. F delta rйs 883 (3) (11).

⁴⁹ *Грищенко Н.А.* Оксфорд в деле распространения знаний о России и русском языке // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2013. № 4 (30). С. 44.

⁵⁰ *Кульбюс С.К., Шишкин А.Б.* Письмо Вяч. Иванова к С.А. Коновалову (1946) // *Mementovivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой*. СПб., 2009. С. 261–288.

- ⁵¹ Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме. Римский архив Вячеслава Иванова. Оп. 5. Карт. 6. Пап. 3. Л. 19 об.
- ⁵² Об этом см.: *Крючков П.М.* «...приветствую Ваш Оксфорд» // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. Vol. 40. P. 263.
- ⁵³ Там же. P. 265.
- ⁵⁴ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. М., 2002. С. 239–240.
- ⁵⁵ University of Oxford... Box A 11.
- ⁵⁶ *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 13: Дневник. 1936–1969. М., 2013. С. 329.
- ⁵⁷ Там же. С. 413.
- ⁵⁸ University of Oxford... Box A 10.
- ⁵⁹ *Пауто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 265.
- ⁶⁰ *Кандыба-Фокс克罗фт Е.* Профессор С.А. Коновалов. 1899–1982 // *Новый журн.* 1982. Кн. 149. С. 276–277.
- ⁶¹ *Пауто В.Т.* Указ. соч. С. 348.
- ⁶² *Haslam J.* The vices of integrity. E.H. Carr. 1892–1982. London, 1999. P. 122.
- ⁶³ *Кандыба-Фокс克罗фт Е.* Указ. соч. С. 277.
- ⁶⁴ Там же. С. 276.
- ⁶⁵ University of Oxford... Box A 14.
- ⁶⁶ Former Russian don dies at 82 // *Oxford Mail*. 1982. 18 Feb.

Список литературы

1. *Андреева Е.Н.* Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 67–101.
2. *Грищенко Н.А.* Оксфорд в деле распространения знаний о России и русском языке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 4 (30). С. 42–44.
3. *Грищенко Н.А.* Русский язык в Великобритании. XIX – 1-я пол. XX в.: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2014.
4. *Кандыба-Фокс克罗фт Е.* Профессор С.А. Коновалов. 1899–1982 // *Новый журн.* 1982. Кн. 149. С. 276–279.
5. *Кизилов М.* Русские в Оксфорде: краткий обзор истории // *Русское присутствие в Британии*. М., 2009. С. 101–116.
6. *Крючков П.М.* «...приветствую Ваш Оксфорд» // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. Vol. 40. P. 254–275.
7. *Муратов П.П.* Английские дни // *Возрождение*. 1933. № 3119. 16 дек.
8. *Пауто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
9. *Петров Е.В.* Роль русских историков-эмигрантов в становлении «россиеведческой традиции» в

Великобритании // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002. С. 254–264.

10. *Шестаков В.П.* Русские в британских университетах: опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб., 2009.

11. *Jones B.* The Russia complex: the British Labour Party and the Soviet Union. Manchester, 1977.

12. *Lednicki W.* Russo-Polish Relations: An Historical Survey by S.Kononov // American Slavic and East European Review. 1945. Vol. 4. № 3/4. P. 207–210.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности» (№ 15-18-00135). Выражаю огромную благодарность моей коллеге, доценту Оксфордского университета Е.Н. Андреевой, которая помогла получить доступ к архивному собранию, и моим друзьям – математикам В.Волошину и О.Червовой, радушно принимавшим меня в Великобритании. Я также благодарю за ценные советы князя Н.Д. Лобанова-Ростовского.